

ГЛАВА 1

1938 год, лето. Обстановка в Ханькоу по-прежнему оставалась напряженной.

Мутные потоки полноводной Янцзы неслись на восток. В противоположную сторону, позабыв обо всем на свете, стремилась пестрая толпа беженцев, испившая сполна чашу людского горя. Аэропланы с красными кружочками на крыльях беспрерывно сбрасывали бомбы. Они летели вниз с душераздирающим воем. От взрывов к небу взлетали огромные столбы воды, смешанной с кровью.

Белый речной пароход под названием «Миньшэн» («Народное благоденствие»), до отказа забитый беженцами, поднимался вверх по реке, направляясь в Чунцин. Пароход приближался к первому из «семидесяти двух порогов». Сжимая в своих объятиях воды реки, по сторонам вздымались отвесные кручи.

В каютах и трюме теснились люди; на палубе негде было яблоку упасть. Возле трубы, из которой валил густой черный дым, тесно прижались друг к другу более полусотни ребятишек. У них больше не было ни дома, ни родителей. Чумазные от сажи и пыли, они выглядели так, будто только что выбрались из кучи угля.

Река, словно разгневанный дракон, стремительно неслась сквозь лес причудливых скал, извиваясь то в од-

ну, то в другую сторону. За одними порогами тут же следовали другие, сбрасывая вниз воды реки. Пароход все время подбрасывало на волнах, и он скорее походил на гусеницу, которая из последних сил борется за жизнь. При каждом гудке пассажиры от испуга переставали дышать, опасаясь, что их настигнет какая-нибудь беда.

Всякий раз после очередного опасного порога люди на пароходе переводили дух, с трудом глотая воздух, как в перерыве между напряженными схватками. Кто-то глянул на пенящиеся возле берега волны и вдруг заметил человека и буйвола, которых закрутило в водоворот. Над поверхностью воды виднелась лишь копыта черных волос да стремительно вращавшиеся длинные рога.

Иногда переполненный пароход, шедший против течения, начинало вдруг сильно раскачивать. Через борт хлестала вода, и все, кто был на палубе, вымокали до нитки.

Как только солнце скрывалось за вершинами гор, пассажиров пронизывал ледяной ветер, и они дрожали от холода. Изредка узкий луч солнца проскальзывал между скал, бросая на рокочущие волны полосу радуги удивительной красоты.

Зеленые горы и крутые утесы на берегах имели свои названия. Их очертания создавали бесконечную панораму разворачивающегося свитка. Сколько людей в прошлом, да и в настоящем, воспевали причудливые волшебные пейзажи этой реки! Сколько людей рассказывали о ней удивительные истории! Еще живы в памяти легенды о том, как встречались в уединении князь царства Чу Хуайван и прелестная богиня горы Ушань. Однако беженцам было не до красот. Когда пароход миновал ущелье Уся, проплывая мимо вершины прекрасной богини, красавицы всех времен, никого это не тронуло.

Беженцам и ступить-то было некуда, не то что, оперевшись о перила, любоваться природой. Пассажиры — будь то стар или млад, богат или беден — все как один были подавлены ощущением опасности и полной неизвестностью. Особенно досаждали людям всякие неудобства. Выбраться из кают было невозможно: палуба была забита людьми и горами пожитков. Разместившиеся на ней не могли сдвинуться с места, трудно было даже просто дышать полной грудью или сменить затекшую ногу. Тем не менее изнемогающие от усталости служащие судового буфета умудрялись приготовить кое-что для пассажиров. Их босые ноги, покрытые сплошным слоем угольной крошки и пыли, оставляли грязный след на всем, к чему они прикасались, — на чемоданах, на свертках. Они даже не ходили по палубе, а ступали на что попало, чуть ли не на самих пассажиров. Пострадавшие кричали и ругались, отчего шуму и гаму на пароходе только прибавлялось.

У всех, кто плыл на «Миньшэне», было тревожно на душе. Люди досадовали на что-нибудь, сердились или грустили. Попадавшие в поле зрения величественные горы не радовали их сердца. Жизнь была слишком безжалостна. Она несла им бесконечные беды, после которых оставались глубокие душевные раны.

Среди пассажиров лишь один человек, казалось, не горевал и не печалился. И это несмотря на то, что он, как и все пассажиры, был сыт по горло трудностями войны и порядком натерпелся в дороге.

Этого мужчину, лет сорока с небольшим, звали Фан Баоцин. Своим существованием он был обязан барабану, палочке и трехструнке, с которыми выступал в чайных, исполняя сказы под большой барабан и сказы «пиншу». Как и полагается бродячему актеру, большую часть своей жизни он колесил с семьей по стране.

И теперь вся семья была с ним. Его старший брат, осыпанный угольной пылью, лежал на палубе и при каждом покачивании парохода то и дело кряхтел да постанывал. Его звали Тюфяком, что вполне соответствовало действительности. Целыми днями он только охал, вздыхал и ничего не делал. Вплотную к Тюфяку, прислонившись полной спиной к стене каюты, сидела женщина средних лет с бутылкой вина в руке — жена Фан Баоцина, — сейчас она, повысив голос, со слезами на глазах поносила кого-то.

Невдалеке от тетушки Фан не то полулежа, не то полусидя — весьма жалкая и неряшливая с виду Дафэн, родная дочь Фан Баоцина.

У борта сидела четырнадцатилетняя приемная дочь Фан Баоцина, по имени Сюлянь. Как и ее отец, она выступала в чайных. Точеным личиком излучая, казалось бы, полнейшую безмятежность, она сама с собой играла в кости. При каждом толчке парохода Тюфяк вскрикивал, а Сюлянь сердилась, оттого что кости смешивались. Голос ее при этом оставался тихим и мелодичным.

Фан Баоцину не хотелось сидеть с домочадцами. Он предпочитал двигаться. Слушать стенания брата и постоянное бурчание жены было выше его сил.

Фан Баоцину было уже за сорок; многое повидав на своем сказительском веку, он тем не менее держался весьма скромно: его манера говорить, жестикуляция и походка были отмечены какой-то особой мягкостью. Он был неглуп. Иначе вряд ли бы его столь долгая актерская жизнь была отмечена благополучием. Открытый и наивный, он вел себя очень непосредственно и был шаловлив, как десятилетний ребенок. Если он высывал язык, наклонял плечо, корчил гримасу или хохотал, то это вовсе не было представлением или игрой. Люди ему верили. Он просто делал то, что ему хотелось.

Его поступки были пронизаны искренностью и представляли собой нечто единое, как взбитое яйцо, у которого не отличишь, где желток, а где белок.

Когда японцы вошли в Бэйпин, Баоцин с семьей отправился в Шанхай. Пал Шанхай, и он подался в Ханькоу. Теперь враг оказался на подступах к городу, и он снова вместе с семьей бежал в Чунцин. Бэйпин был для Баоцина что отчий дом. Сказы, которые он исполнял, происходили оттуда. При желании он легко мог бы остаться в городе, и тогда не нужно было бы терпеть столько лишений и страданий среди многотысячной толпы беженцев. Баоцин был человеком простоватым и почти неграмотным. Однако сказителей, знавших хотя бы несколько иероглифов, в столице насчитывались единицы, и он был одним из них. Враги его бы не тронули, однако Баоцин сам решил оставить уютный дом и любимые вещи, не пожелав зарабатывать на хлеб в городе, где развевался японский флаг. Он не задумывался над тем, любит он свою страну или нет. Он лишь чувствовал, что всякий раз при виде флага своей родины горло его пересыхало, сердце сжималось и в душе будто что-то переворачивалось.

Больше всех противился отъезду из Бэйпина Тюфяк. Он был старше своего брата всего лет на пять, но считал себя главой семьи, претендуя при этом на особое отношение. Прежде всего он требовал, чтобы не нарушались тишина и покой, царившие в семье, и опасался, что, покинув дом, неминуемо умрет. Постоянными стонами и даже одним своим видом он вызывал неприязнь. На самом деле ему было не так уж плохо. Просто таким способом он давал Баоцину понять, что его позиция осталась неизменной.

Что покидать — Бэйпин, Шанхай или Ханькоу, тетушке Фан было совершенно безразлично. Она была

лишь против того, чтобы муж принимал решение об отъезде в последний момент, тем самым не давая возможности упаковать все, что ей хотелось взять с собой. Она не представляла себе трудностей и неудобств, вызываемых перевозкой вещей во время войны. Время от времени прикладываясь к бутылке с вином, она думала лишь о том, как было бы здорово, если бы она сумела прихватить с собой пару старых удобных туфель и несколько пар рваных чулок. Все уезжали, и она уезжала. Но оставлять вещи было поистине жалко! Тетушка Фан любила сделать глоточек-другой, а увлекаясь, входила во вкус, и уж тогда частенько с языком ей было не совладать.

Баоцин, не в силах выносить постоянные всхлипывания брата и бормотания жены, целыми днями бродил по палубе, с трудом проталкиваясь через толпу и стараясь удержать равновесие при качке. Такое хождение было настоящим мучением. Если кто-либо из спящих пассажиров вдруг закрыл бы рот, когда через него перешагивал Баоцин, то он, пожалуй, мог бы лишиться пальца на ноге.

Баоцин совершенно не был похож на сказителя. Не красавец и не урод, он выглядел вполне заурядно и походил на служащего ломбарда или универсального магазина. Не выделяясь экстравагантностью, он совсем не стремился привлекать к себе внимание окружающих, как это часто позволяют себе представители артистического мира, без всякого нажима демонстрируя свои таланты. Иногда у него, правда, проглядывали некоторые актерские повадки, что еще больше затрудняло догадки по поводу его профессии.

Невысокий, он был коренаст и крепок. Его манера двигаться создавала порой впечатление какой-то неповоротливости и неуклюжести. Но при случае он мог бы

быть ловким и быстрым, как обезьяна. Когда на пути встречалась лужа, то невозможно было предугадать, прыгнет ли он через нее или спокойно шагнет в воду, промочив напроочь свои туфли.

Круглая, гладко выбритая голова Баоцина всегда блестела. Его глаза, уши, рот были настолько большими, что как бы свободно повисали на голове. К счастью, черные и густые брови помогали его лицу сохранять важность и серьезность. С такими бровями и дрябловатая кожа не была такой приметной. Они походили на две черные тучки: как только он начинал ими шевелить, можно было ожидать, что они, столкнувшись, вот-вот высекут молнию.

Красивые ровные зубы всегда были на виду, он любил смеяться. И хотя под глазами уже появились морщинки, присущие человеку средних лет, губы, всегда алые и чуть увлажненные, делали его намного моложе.

Сейчас он сильно смахивал на служащих судового буфета, сновавших босиком по палубе. Пароход постоянно качало, и Баоцин делал невероятные усилия, чтобы не наступить на людей. Он тоже ходил босиком, сняв тяжелые ботинки, в надежде меньше причинить хлопот тем, на кого он мог ненароком наступить.

Он закатал штаны, обнажив белые крепкие икры. На нем был старый синего шелка халат, длинные полы которого приходилось придерживать рукой, чтобы не задеть ими лица спящих на палубе людей, да и ходить так было удобней.

Другой рукой он приветствовал друзей. Баоцин настолько привык к выступлениям, что все окружающие казались ему зрителями, которым нужно улыбаться и дружески махать рукой. Так, одной рукой придерживая халат, а другой приветствуя пассажиров, он совер-

шал круги по пароходу. Ступал он так, будто прыгал через ручеек или играл в «классики».

Баоцин привык брить голову раза два в неделю. Бритая голова делала ему своеобразную рекламу. Тот, кто хоть раз слушал его сказы, надолго запоминал эту гладкую голову. Его лицо далеко не так привлекало внимание людей, как лоснившаяся голова, вызывавшая бурю восторгов. Теперь же он не брился целую неделю и, разгуливая по палубе, время от времени почесывал непривычную щетинку на макушке.

Через несколько часов после посадки на пароход Баоцин успел перезнакомиться чуть ли не со всеми попутчиками. Вскоре он так освоился с ситуацией, будто плавал на этом судне с момента пуска его на воду. Ему был хорошо знаком каждый уголок. Он знал, где достать бутылку вина жене, — выпив и заснув, она уже не тыкала в его сторону пальцем. Умел раздобыть и чашку вермишелевого супа, чтобы, насытившись, Тюфяк перестал причитать. Будто фокусник, которому нипочем прямо из воздуха выхватить зайца или птицу, Баоцин мог достать аспирина для тех, у кого болела голова или кого укачивало, а если кому-нибудь было совсем плохо, он умудрялся раздобыть эффективное лекарство.

Без особого труда он узнавал всю подноготную любого пассажира. Было похоже, что даже капитан знал о пассажирах меньше Баоцина. На глазах у всех они стали закадычными друзьями. Трехструнка да барабан (единственные сокровища Баоцина), которыми он пользовался тридцать лет, помогали ему обзаводиться приятелями. Он и Сюлянь с помощью этих инструментов, которые можно было купить только в Бэйпине, зарабатывали себе на хлеб и кормили всю семью. Повреди их или разбей — и других таких не достанешь! По этой причине, попав на пароход, Баоцин тотчас же препо-

ручил их капитану. Тот его знать-то не знал и уж тем более не обязан был присматривать за музыкальными инструментами какого-то сказителя из чайной. И без того хватало дел. Однако Баоцин обладал чудесным даром располагать к себе людей. Будто легкий теплый весенний ветерок, он скользнул в каюту капитана, и тот почувствовал, что сохранение трехструнки и барабана просто-таки самая почетная обязанность.

Баоцин, играя в «классики», был вынужден через каждые несколько шагов останавливаться. Иногда ему самому хотелось приостановить шаг. Однако чаще всего его окликали новые друзья-пассажиры. Один просил таблеток аспирина, другой — порошков от головной боли. Некоторые, хватая за рукав, просили рассказать забавную историю. Если же совсем нечем было заняться, он вскарабкивался по узкому железному трапу на палубу, чтобы навестить чумазных беспризорных ребятишек, ютившихся под трубой.

У Баоцина не было сыновей. Мальчишек он любил больше, чем девочек, а когда видел этих несчастных детей, в основном мальчиков, сердце его сжималось и большие круглые глаза увлажнялись. Он вспоминал трогательные истории, которые сам же рассказывал, и остро чувствовал все мытарства бедных мальчуганов, потерявших в этом хаосе своих отцов и матерей. Баоцин представлял себе, как они без одежды и пищи, голодные и замерзшие добирались сюда из Шанхая через Нанкин и теперь направлялись дальше, в провинцию Сычуань.

Ему хотелось немедленно достать где-нибудь пару сотен горячих пампушек с мясной начинкой и раздать этим болезненным, черным от пыли, но милым ребятишкам. Только ничего тут не поделаешь. Достать пампушек он не мог. Его единственные сокровища — трех-

струнка и барабан — были поручены на хранение капитану.

Баоцин хотел было что-нибудь спеть ребятам или рассказать несколько историй. Но сердце его учащенно билось, а он не мог выговорить ни слова. Многолетний опыт улыбаться в нужный момент при первой же необходимости или способность быстро и легко заводить знакомства, приобретенные им за многие годы странствий, были бесполезны перед этими попавшими в беду детьми. Нет, с ними нельзя было общаться как на сцене. Не проронив ни слова, он стоял с каким-то тупым, оцепеневшим взглядом. Из трубы вырывались клубы дыма и сажки, которая медленно оседала на его непокрытую голову.

Глядя на этих детей, Баоцин вспомнил свою приемную дочь Сюлянь. Когда он ее купил, ей едва исполнилось семь лет. Худощавый мужчина, назвавшийся дядей, попросил двенадцать юаней серебром. Сюлянь в то время очень походила на этих детей — больных, грязных, худых, и Баоцин серьезно опасался, что она долго не протянет.

Все это происходило как вчера. А теперь ей уже четырнадцать. Помнит ли она родного отца и мать? А может, она считает Баоцина своим настоящим отцом? Станет ли она наложницей какого-нибудь богача или решит выйти замуж за того, кто придется ей по душе? Баоцин частенько наедине с собой задумывался над этим.

Его любимое дело, его имя, благополучие всей их семьи зависели от Сюлянь. Конечно, ей всего четырнадцать, и она мало что понимает, но ведь скоро она станет взрослой. Если бы с ней что-нибудь случилось, всю семью ждал бы неминуемый крах.

Вся его семья? Как только он вспоминал о ней, его лицо трогала горькая усмешка. Никчемный брат, все-

гда хмельная жена да эта глупая родная дочь Дафэн! Как можно запретить Сюлян бежать из такой семьи?

Услыхав доносившийся с нижней палубы шум голов, Баоцин очнулся от размышлений и глянул вниз. Среди пассажиров царило радостное оживление — пароход миновал последний порог. Теперь по обоим берегам проплывали невысокие холмы, река стала широкой и спокойной. Маленький белый пароход искал места, чтобы перевести дух. Похожий на слабую, вконец обессиленную старушку, он медленно и устало направлялся к песчаной отмели. Ему в самом деле нужно было отдохнуть. Пароход встал на якорь. На берегу виднелось несколько домиков, сооруженных из тростника и бамбука.

Когда пароход причаливал к берегу, солнце в западной части небосклона стало золотисто-красным, и на какое-то мгновение люди застыли на местах, словно их покинули все силы. И капитан и лоцман, благополучно прошедшие пароход через пороги, и команда и пассажиры настолько устали, что никому не хотелось двигаться. Даже сам пароход, казалось, был не в состоянии сдвинуться с места.

Баоцин отряхнул с головы сажу и громко скомандовал ребятишкам: «А ну, быстро сюда! Все, все! Купаться!»

Он растолкал толпу и провел детей по трапу на берег. Еще мгновение, и они, будто стайка утят, поднимая фонтаны брызг, очутились в воде.

ГЛАВА 2

Чунцин — город на горах. Две могучие реки — Янцзы и Цзялинцзян — встречаются у его ног. Там, на месте их встречи, царит безбрежная водная стихия. Столкнувшись друг с другом, оба потока, не желая уступать

друг другу, вздымают огромный, переливающийся под лучами солнца водяной вал. Этот водяной барьер является своеобразной границей, разделяющей обе реки, и он как бы предостерегает проходящие суда: «Осторожно! Опасность!»

У берега, тихо покачиваясь на воде, стояло совершенно черное деревянное судно. На его высоких мачтах трепетали от ветра красные флажки. Голые по пояс, босые, с белыми платками на головах, люди бежали взад и вперед по сходням, перетаскивая на себе самые разные грузы.

По реке сновали убогие суденышки и паромы, всевозможные пароходы и деревянные корабли. Крохотные лодчонки усыпали водную рябь, словно опавшие листья, повсюду разнесенные ветром. Лодки были везде. Плывшие по воде и стоявшие на приколе, большие и маленькие. Здесь были как суда старых образцов, так и пароходы новых моделей. Некоторые шли прямо, по одной линии, другие, используя встречный ветер, виляли из стороны в сторону. Даже это огромное речное пространство при таком скоплении водного транспорта казалось узким и тесным.

Вдоль берега стояло несколько навесов из бамбука и тростника. Беженцы, обгоняя друг друга, бросились к ним, рассчитывая купить что-нибудь поесть. Под навесами стояли огромные тазы с рисом, от которого шел пар, лежали большие куски свежей свинины, висели толстенные колбасы, высились груды мандаринов. Люди, окружив лотки, покупали съестное и болтали о всякой всячине, восхищаясь огромными белыми свиньями и каштановыми сычуаньскими лошадками, которые были, пожалуй, побольше обычных осликов.

Стояла невыносимая жара. Ни ветерка. Река напоминала гигантский котел, над которым клубился пар.

Люди, насквозь мокрые от пота, тяжело дышали и нервничали. Гребцы, пассажиры в лодках, носильщики и их клиенты, покупатели и продавцы — все были не прочь поскандальить.

Палящие лучи солнца, отражаясь от поверхности воды, слепили глаза. Желтый песок и огромные гладкие камни блестели на солнце, заставляя щуриться от яркого света. У людей уже начинала гореть опаленная солнцем кожа. Город возвышался над рекой на многие десятки метров. Он был окутан серовато-белым горячим туманом, от которого кружилась голова. Внизу — сплошная вода, вверху — сплошные скалы. Между горами и водой, отделенными друг от друга сотнями каменных ступеней, — полосы яркого, бьющего в глаза света. Вода klokотала, словно в огромном самоваре, а город над ней напоминал гигантскую печь.

Баоцин, как ребенка, прижал к груди трехструнку, Дафэн осторожно, с почтением, держала перед собой барабан, как обычно держат изображение бодисаттвы. Баоцин не спешил сходить на берег. Он не собирался толкаться в этой массе людей. Годы скитаний приучили его к необходимости экономить силы. В сторонке, обняв трехструнку, он спокойно ждал, когда пройдут другие. Несколько часов назад он приветливо распрощался со своими друзьями по пароходу, в том числе и с ребятишками.

Судя по панике, охватившей пассажиров, можно было предположить, что пароход попал в катастрофу, а не просто причалил к берегу. Толкая друг друга, каждый пытался сойти первым. Все злились, выходили из себя, кричали и ругались. Толпу качало из стороны в сторону. Какая-то женщина так толкнула ребенка, что тот упал в воду; у кого-то слетела в реку туфля на высоком каблуке.

Те, кто забыл запереть замки чемоданов, добирались до берега уже без их содержимого, которое оказывалось в воде. Карманные воры трудились в поте лица. Один из них, схватив чей-то зонтик, пустился наутек. Наименее совестливые, пользуясь давкой, прижимались к женщинам.

Баоцин больше всего опасался, как бы не затолкали Сюлянь, и время от времени сдерживал ее: «Сюлянь, не торопись, не торопись!»

Сюлянь, еще не став зрелой девушкой, тем не менее повсюду привлекала к себе внимание. Возможно, это происходило оттого, что она была всего лишь певичкой и люди считали, что из этого можно кое-что извлечь. А может быть, потому, что девственная прелесть, светившаяся на ее лице, так хорошо сочеталась со скромностью и трогательностью ее речи и движений.

Маленькое круглое личико Сюлянь отличалось изящными и правильными чертами. На нем всегда, даже сквозь пудру, проступал румянец. Черные глаза словно излучали свет. Она не блистала особой красотой, однако обладала какой-то неуловимой естественной притягательностью, при первом же взгляде привлекавшей к ней внимание. Маленький носик был чуть вздернут, отчего ноздри как бы слегка смотрели вверх. Нижняя часть лица от этого не выигрывала и придавала ей выражение капризного ребенка. Когда Сюлянь поднимала маленький подбородок и задирала носик, казалось, что все на свете ей нипочем. Ее тонкие губы можно было заметить лишь тогда, когда они были накрашены, а ослепительно белые зубы, не везде, правда, ровные, можно было считать отличительным признаком ее внешности.

Густые черные блестящие волосы она заплетала в две маленькие косички, перевязывала яркими цвет-

ными лентами и оставляла их на груди или закидывала назад.

Сюлянь еще предстояло подрасти. В туфлях из черного шелка с вышитыми на них белыми цветами она казалась еще меньше и ниже ростом. Ходила она плавно и легко, даже слишком легко, отчего походка казалась немного неуверенной. Ее лицо, косички и фигура ничем особенно не выделялись среди обыкновенных четырнадцатилетних девочек. Разве что в походке порой проглядывала особая пластичность, по которой можно было определить, что она актриса. Вот и сейчас, несмотря на используемые для выступлений вышитые туфли, она была одета в простой китайский халат темно-синего цвета.

Стояла нестерпимая жара. Ее косы были закинута назад и даже не прихвачены бантами. Пот смыл с лица пудру, обнажив нежную кожу цвета слоновой кости. Щеки покраснелись от жары и были ярче, чем румяна.

Огромные черные глаза с жадным любопытством разглядывали берег: зеленые мандарины, белый вареный рис, маленьких лошадок каштанового цвета и навесы из бамбука и тростника. Все эти вещи были ей в диковинку, интересны и трогательны. Так хотелось спрыгнуть на берег, купить мандаринов, поездить верхом на странного цвета лошадках! Чунцин казался ей сказочным городом. Кто бы мог подумать, что здесь лошадки меньше осликов, а мандарины продаются совершенно зелеными!

Некоторые семьи уже отдыхали под навесами. Ее внимание привлек на время пухленький голый карапуз. Она забыла о жаре, забыла все свои мелкие неприятности, хотелось лишь скорее на берег, чтобы не торчать больше на пароходе.

Сюлянь знала, что отец внимательно наблюдает за ней. Как она ни была взволнована, а все же не осмеливалась сойти с парохода одна. Она была еще подростком, да к тому же исполнительницей сказов. Ее должен был оберегать отец, вот и оставалось тихонько стоять да вовсю глазеть на зеленые мандарины и жирных белых свиней.

Тюфяк сел. Ему вовсе не хотелось этого делать, но если бы он не сел, то люди, оттиравшие друг друга локтями, могли бы наступить ему на лицо. Он продолжал стонать: от мелькавшей перед глазами беснующейся толпы у него кружилась голова.

Внешне он очень походил на брата, только был чуть выше и худощавее. Из-за худобы его глаза и нос казались особенно большими. Гладкие длинные волосы были зачесаны назад, на манер недавно побывавшего в Париже художника.

Тюфяк тоже умел исполнять песенные сказы под аккомпанемент барабана и трехструнки, причем пел даже лучше брата. Однако он относился с пренебрежением к такой малоуважаемой профессии, как исполнение сказов под барабан. И на трехструнке он умел играть. Только не хотел. Аккомпанировать своему брату и племяннице, находиться где-то на вторых ролях было для него еще более унижительным. Он ничем не занимался и фактически находился на иждивении Баоцина. Такое обстоятельство, по его словам, ничуть не ущемляло его достоинства. Он был умен и, если бы захотел, мог бы стать известным актером, но не собирался тратить на это свои силы! Он всегда с презрением относился к деньгам. А тут еще зарабатывать их игрой и пением! Стыд!

С точки зрения общечеловеческой морали Баоцин не мог не содержать Тюфяка. Все же оба рождены од-